

СТАЛИН ПРОТИВ ЛУБЯНКИ

КРОВАВЫЕ НОЧИ 1937 ГОДА

СЕРГЕЙ ЦЫРКУН

Я – секретный агент Сталина

Сергей Цыркун

**Сталин против Лубянки.
Кровавые ночи 1937 года**

«Яуза»

2013

Цыркун С. А.

Сталин против Лубянки. Кровавые ночи 1937 года /

С. А. Цыркун — «Яуза», 2013 — (Я – секретный агент Сталина)

Сенсационное расследование трагедии 1937 года. Захватывающий триллер, проливающий свет на самые темные и запретные страницы прошлого. Новый взгляд на причины и цели Большого Террора. Подлинная история борьбы за власть над СССР, в ходе которой Сталину удалось разгромить не только партийную оппозицию, но и органы государственной безопасности, в середине 1930-х годов достигшие пика могущества: ОГПУ фактически контролировало экономику страны и финансовые потоки, правительственную охрану и милицию, Особые отделы Красной Армии и гигантскую теневую империю ГУЛАГа, судебную систему и исполнение приговоров, распоряжалось колоссальными средствами, переводило в свое ведение крупнейшие стройки и промышленные предприятия, осуществляло негласный надзор за высшим руководством страны – казалось, что реальная власть уплывает из рук Сталина к Ягоде и его клике, что подлинный центр силы находится уже не в Кремле, а на Лубянке... Как Сталину удалось переломить ситуацию в свою пользу? Что позволило ему разобщить чекистов и заставить их убивать друг друга? Почему эта грандиозная чистка фактически не встретила сопротивления и сталинский контрпереворот увенчался полным успехом?.. Отвечая на самые острые и сложные вопросы истории, эта книга разгадывает главную тайну XX века.

© Цыркун С. А., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Противостояние	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Цыркун

Сталин против Лубянки.

Кровавые ночи 1937 года

«В этом и есть суть коммунизма, чтобы беспрерывно хватать кого-нибудь за горло».

Б. Бажанов, секретарь Политбюро

© Цыркун С. А., 2013

© ООО «Издательство «Яуза», 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Теплая, плотно обволакивающая ночь нависла над Москвою жарким летом 1936 г. Тогда в советской столице не было ни ночных клубов, ни круглосуточных магазинов, ни частных автомобилистов, спешащих через паутину улиц спящей столицы по своим делам. По ночам город погружался в цепенящий сумрак. Только шумели порывы ветра в листве, надрывно рычали цеха заводов непрерывного производства, шлепали сапогами по лужам патрули рабоче-крестьянской милиции, да еще в товарных дворах московских вокзалов неспешно гудела работа. Над всем этим мерцали пятиконечные рубиновые звезды, похожие на морских животных, медленно плывущих во тьме ночного небосвода.

Но было в самом центре сонного города громадное здание, сияющее бесчисленными огнями своих окон, словно огромный пароход, мчащийся сквозь черные волны навстречу собственной гибели. Это здание знал каждый москвич, да и не только москвич. Давно уже переименовали Лубянскую площадь, назвали ее именем «железного Феликса» Дзержинского, но не отлипало от жуткого здания памятное название – Лубянка. В недрах этого замка ужаса и страданий, по его сумрачным коридорам уверенной походкой вышагивали два человека. Один из них был высокомерен и суров. Доверенное лицо товарища Сталина, исполнитель его самых тайных замыслов, член ЦК, Генеральный комиссар государственной безопасности, а самое важное – всемогущий глава Наркомата внутренних дел, НКВД. У других эти буквы в душе вызывают страх... И правильно. Днем он, всеми уважаемый Генрих Григорьевич Ягода, с некоторой иронией наблюдает за марионетками – «вождями», перед которыми пресмыкается пыль презренных для него индивидуумов, называемых «рядовые трудящиеся».

Но по ночам он становится подлинным властителем Страны Советов. Он знает, что творится по всей огромной стране, о чем говорят между собой мужья с женами в постелях, заключенные в лагерных бараках, случайные собутыльники в пивной, руководители разных рангов в своих кабинетах. Ему известно, какие решения будут приниматься партийными и правительственными инстанциями всех уровней. Он знает, кто и на кого пишет доносы, кто против кого затевает интриги и он же решает, каким из них дать ход, а какие положить «под сукно». Он подобрал команду безоговорочно преданных ему людей, спаянных общими интересами, с помощью которых он способен... даже голова кругом идет от возможных перспектив. И потому он с презрением, свысока поглядывает на своего спутника. А тот цветет безмятежной улыбкою. Это не кто иной, как «Янечка» Агранов, известный всей Москве завсегдатай богемных салонов советской литературно-художественной элиты. Он улыбается всегда, ему постоянно весело. Он – в обход своего шефа – дружен со Сталиным. И еще он знает: даже если неугасимая звезда его всемогущего повелителя Ягоды вдруг закатится, сам он не пострадает, ибо не так уж сильно он ему предан...

Но было у обоих предводителей тайного ведомства, двух темных владык Страны Советов, и нечто общее: оба знали, что вскоре, на ближайшем Пленуме ЦК, Ягода займет обещан-

ное ему самим товарищем Сталиным место в Политбюро, и тогда можно будет так же уверенно расхаживать не только пещероподобными ходами Лубянской цитадели, но и по трибуне Мавзолея на Красной площади. Ох, скорее бы! Под аккомпанемент этих мыслей оба предводителя тайного сыска по-хозяйски, без стука, распахивали двери кабинета, разглядывая самодовольные откормленные ими же физиономии верных холопов-следователей и запуганных, забитых арестантов. «Как идет допрос?» – и, кратко выслушав доклад своего подручного, небрежно кивнув, два стража Государственного страха шли дальше. Вдруг оба остановились. Из-за одной двери доносились не вполне понятные звуки. Распахнув ее и разом шагнув внутрь, богоподобные носители суконных мундиров и скрипучих сапог обомлели. На столе в развязной позе сидел их мертвецки пьяный сотрудник, мрачно приговаривая стоявшему перед ним арестанту: «Сегодня я тебя допрашиваю, завтра ты меня. Ни гроша-то наша жизнь не стоит!»¹.

Служебное расследование показало, что этот человек был алкоголиком, ночью во время допроса пившим водку. Только этот безымянный алкоголик, о существовании которого ныне известно из откровений бывшего советского разведчика Фельдбина-Орлова, оказался мудрее своих хитроумных руководителей. Он понял то, что Ягоде стало предельно ясно лишь через полгода, на Пленуме ЦК, когда вместо пропуска в Политбюро он получил от осмелевших партийных бонз невероятное количество брани и клеветы в свой адрес. Тогда он и произнес запомнившуюся фразу: «Как жаль, что я не арестовал всех вас раньше, когда был у власти»².

* * *

Одна из самых больших загадок советской истории – это то, каким образом удалось Сталину, готовясь к Большому террору 1937 г., полностью сменить и уничтожить руководство НКВД – главного своего инструмента в механизме предстоящих репрессий – без сколько-нибудь заметного сопротивления. Если и существовала в 1936 г. реальная опасность сталинской диктатуре внутри страны, то она могла исходить только со стороны «когорты преторианцев» – абсолютно беспринципных, очень хитрых, сплоченных многолетней совместной работой и личной дружбой руководителей НКВД. Остротой интеллекта и широтой кругозора они заметно превосходили своих преемников ежовского и бериевского поколений³.

На протяжении ряда лет руководитель государственной безопасности страны Г.Г. Ягода тщательно подбирал свою команду, устранял неугодных, стремился создать вокруг себя некое подобие замкнутой касты. Бывший работник госбезопасности М.П. Шрейдер вспоминает, что этими людьми в застольях «за блинами и водкой решались важные организационные вопросы, включая расстановку кадров»⁴. Шурин Ягоды, руководитель РАПП Леопольд Авербах, будучи арестован, на допросе показал, что Ягода «все сводил к личной выгоде и личным взаимоотношениям, во всем пытался найти нечто низменное и на нем играть».

¹ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. – М.: Автор, 1991. – С. 95

² Кривицкий В.Г. Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика / Пер. с англ. И.А. Вишневецкая. Сост. Б.А. Старков. – М.: Терра-Терра, 1991. – С. 220.

³ Как справедливо заметил А.Ф. Катусев, «карательная практика тридцатых, сороковых и начала пятидесятых годов выявила катастрофическую ущербность следователей из НКВД и МГБ» (в кн.: Столяров К... Палачи и жертвы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. С. 211). Того же мнения придерживались и современники. Хрущев о «вычищенных» руководителях госбезопасности середины 30-х годов отзывался так: «Хорошие были работники. Сталин начал, видимо, терять доверие к НКВД и решил брать туда на работу людей прямо с производства, от станка. Это были люди неопытные, иной раз политически совершенно неразвитые. Им достаточно было какое-то указание сделать и сказать: «Главное, арестовывать и требовать признания», и все: они сразу же делали» (Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Книга I. М.: ИИК «Московские Новости», 1999. С. 185). Ему вторит бывший сотрудник НКВД Кирилл Хенкин: «...на место исчезнувших пришли другие. Деревенские гогочущие хамы. Мои друзья называли их... «молотобойцы»...» (Хенкин К. Охотник вверх ногами. М., 1991. С. 36).

⁴ Шрейдер М.П. НКВД изнутри. Записки чекиста. – М.: Возвращение, 1995. – С. 10.

Те, кого он группировал вокруг себя, сосредоточили в своих руках огромную власть. Так, например, начальник Оперода (оперативного отдела ГУГБ НКВД) К. Паукер руководил всей системой правительственной охраны. Без сопровождения его подчиненных вожди партии и правительства в прямом смысле слова не делали ни шагу. Паукер занимался также удовлетворением бытовых нужд и пожеланий Сталина и его окружения вплоть до «обеспечения Сталина слабым полом»⁵. В негласной, теневой иерархии он занимал головокружительно высокое положение. По свидетельству Фельдбина-Орлова, когда Паукер ехал на автомобиле, для него перекрывали дорожное движение в Москве. В нем сочетались высокомерие и лакейское приспособленчество: он, «будучи по натуре исключительным грубияном, с большинством сотрудников вообще не считал нужным здороваться, заискивая лишь перед большим начальством»⁶.

Его заместитель Захар Волович (известный также под оперативным псевдонимом Вилинский), который курировал правительственную связь, через резервную станцию в здании НКВД на Лубянке имел возможность прослушивать все переговоры по внутренней «кремлевской» связи и по ВЧ⁷. «Кремлевская» телефонная связь, а с 1935 г. – также и ВЧ (высокочастотный канал связи) находились в ведении 13-го отделения Оперода, имевшего на звание ОПС (отделение правительственной связи)⁸. Его работники должны были обеспечивать защиту проходящей по этим линиям связи информации, но попутно они сами передавали ее Воловичу, который напрямую докладывал обо всем сколько-нибудь важном Ягоде. Друзья называли Воловича фамильярно «Зорей», он любил широкий, барский образ жизни⁹, и это обстоятельство, формально недопустимое для чекиста, сильно привязывало его к ягодинской клике.

Вся система управления промышленностью, сельским хозяйством, строительством и торговлей была пронизана агентами и секретными сотрудниками экономического отдела ГУГБ, возглавляемого Л. Мироновым. Этого человека, обладавшего феноменальной памятью, Г. Ягода всегда брал с собой в Кремль: он выполнял роль «живого блокнота» во время конфиденциальных бесед со Сталиным¹⁰. Неофициально благодаря своему незаурядному интеллекту он считался советником Ягоды по наиболее важным или запутанным вопросам¹¹. Поэтому Миронов являлся, пожалуй, самым осведомленным в стране человеком относительно тайн Кремля и Лубянки. Бывшие чекисты М.П. Шрейдер и А.М. Фельдбин-Орлов, оставившие обширные воспоминания об этом периоде, довольно часто ссылаются на Миронова как на источник информации, поскольку встречались у него на квартире, где играли в преферанс и другие карточные игры. Там же бывал и еще один известный чекист, Л.Э. Разгон, автор книги воспоминаний «Плен в своем отечестве»¹². Шрейдер упоминает, в частности, что у Миронова был хороший голос и он во время застольных собраний руководства НКВД тешил их слух своим пением.

Транспортная система страны находилась под пристальным контролем начальника транспортного отдела НКВД, близкого приятеля Ягоды и в прошлом его секретаря А. Шанина, который одновременно являлся помощником наркома путей сообщения Л. Кагановича – одного из

⁵ Там же. – С. 24.

⁶ Шрейдер Михаил. Воспоминания чекиста-оперативника. Лит. запись И.А. Элланской. Машинописная рукопись. Место хранения: г. Москва, архив общества «Мемориал». – С. 226.

⁷ Ильинский М. Нарком Ягода. – М.: ЭКСМО, Яуза, 2005. – С. 141–144, 509–510.

⁸ Подробнее об этом см.: Астрахан В.И. Академия ФАПСИ РФ. Правительственный телефон «ВЧ» как символ власти в СССР // В сб.: Исторические чтения на Лубянке. Власть и органы государственной безопасности. Великий Новгород: ИПЦ Новгородского университета, 2003. – С. 212–217 /

⁹ Бояринцев В.И. Тифозная вошь советской поэзии. // «Дуэль». № 27 (221), 3 июля, 2001.

¹⁰ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. – М.: Автор, 1991. – С. 117–119.

¹¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М.: МФД, 2004. – С. 200.

¹² Шрейдер М. Воспоминания... – С. 588.

наиболее влиятельных членов Политбюро¹³ Перечисленные лица, находясь в доверительных отношениях между собою, полностью держали в руках правительственную охрану, транспорт и связь. К ним стекалась вся информация по стране, в том числе из Кремля. Колоссальный агентурный аппарат находился в ведении еще одного близкого к Ягоде человека – руководителя секретно-политического отдела ГУГБ Г. Молчанова. Все, что происходило в Вооруженных силах страны, отслеживалось через пересекавшую их снизу доверху систему Особых отделов – военной контрразведки, возглавляемой М. Гаем – приятелем Молчанова¹⁴.

На первый взгляд, при полном акустическом контроле за служебными и жилыми помещениями, обеспеченном средствами оперативной техники, содержание такого колоссального агентурного аппарата, какой находился под контролем Молчанова, Миронова и Гая, представляется излишеством. Однако Ягоде, да и советскому режиму в целом, требовался не только сбор информации. Им нужно было превратить население страны в задавленных страхом, услужливых «стукачей», и чем больше их будет, тем лучше. Ведь каждый информатор – это уже пособник режима. Более того: уголовный закон вменял каждому советскому гражданину в обязанность доносить обо всех известных ему деяниях антисоветской направленности, угрожая карами за недонесение (ст. 58–12 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Эту государственную мысль удачно сформулировал советский разведчик Кирилл Хенкин: «Если разговор двух друзей подслушан с помощью хитроумного устройства, полицейское государство еще не выполнило своей главной задачи. Зато, когда оба собеседника спешат наперегонки друг на друга донести, – воспитательная цель достигнута!»¹⁵ К середине 30-х гг. на постоянной связи у НКВД числилось около полумиллиона «общих» осведомителей, включая так называемое дворовое осведомление, разбитых на группы во главе с резидентами, не считая «спецосведомителей» (работавших по специальным направлениям), агентов внутрикамерной и внутрилагерной разработки, а также «основной агентуры», представители которой «помимо оплаты за работу получают и специальные суммы, необходимые по ходу разработок (организация пьянки и т. п.)»¹⁶. При этом агентурная сеть непрерывно расширялась по принципу так называемого массового осведомления.

Бывшие студенты Киевского Императорского университета св. Владимира Миронов и Гай сумели угодить грубому и хамоватому Ягоде, войти в его ближний круг. Но все же не они составляли основу его влияния в высших партийно-государственных кругах.

В те годы любой номенклатурный чиновник, любое сколько-нибудь значительное должностное лицо, начиная с самого Сталина, не имея по существу ничего своего, находились вместе с семьями на полном государственном обеспечении. Чиновник жил в государственной квартире ведомственного дома, проживал на госдаче в охраняемом дачном поселке, ездил на государственной машине – «персоналке», отдыхал на курортах и лечился в больницах по путевкам партийных органов и государственных ведомств, одежду и даже еду получал из закрытых спецраспределителей, в зависимости от занимаемой должности ему полагался за государственный счет штат obsługi: горничных, шоферов, поваров, парикмахеров... Всем этим безраздельно распоряжался один человек – И.М. Островский, начальник административно-хозяйственного управления (АХУ) НКВД. Непосредственно ему подчинялся Виктор Следзевский, начальник 5-го отделения АХУ НКВД, который ведал распределением продуктов, вин, мебели, одежды и прочих земных благ среди сановников партийно-государственного олимпа¹⁷.

¹³ Там же. – С. 18.

¹⁴ Тумшис М. ВЧК Война кланов. – М.: ЭКСМО, 2004. – С. 130.

¹⁵ К. Хенкин. Охотник вверх ногами. – М.: Терра, 1991. – С. 41

¹⁶ Петров П., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 234–235. Цитируемый документ датируется 23 января 1935 года.

¹⁷ Шрейдер М. Воспоминания... – С. 523.

Помимо санаторно-курортных и лечебных учреждений, снабженческих организаций и автобаз, Островскому был подчинен и Тюремный отдел, ведавший местами заключения¹⁸. Под предлогом обеспечения безопасности все «спецобъекты» находились в ведении все того же вездесущего ведомства. Это хорошо понимал и сам Сталин. На одном из кремлевских банкетов в присутствии Островского бывший семинарист, а ныне вождь мирового пролетариата с несколько богословской стилизацией сказал: «По легенде, самым справедливым и безгрешным человеком на земле был Иисус Христос. И представьте – даже на этого самого справедливого человека многие жаловались. Поэтому нет ничего удивительного в том, что поступает много жалоб на присутствующего здесь товарища Островского. Предлагаю выпить за здоровье этого замечательного организатора и хозяйственника, который своим самоотверженным трудом обеспечивает всем необходимым не только начсостав ОГПУ, но и нас, грешных, работников Центрального Комитета!»¹⁹. Рядовые советские *трудящиеся* никогда не видели Островского на трибуне, не встречали упоминаний его фамилии в печати, его портреты не висели на видных местах. Однако его влияния могли позавидовать многие наркомы и члены ЦК. В ЦК о нем говорили: «Островский был своим человеком... Он подмазывал кого надо, был информатором о настроениях, которые существуют у того или иного работника»²⁰. Чтобы охарактеризовать степень его преданности Ягоде, следует упомянуть об одном лишь факте. Бывший чекист М.П. Шрейдер, находившийся с Островским в близкой дружбе, пишет в своих воспоминаниях, что однажды, будучи наедине с ним, непочтительно отозвался о Ягоде, отчего Островский в ужасе шарахнулся и даже сделал несколько шагов назад, создавая дистанцию (видимо, опасался прослушивания помещения людьми Паукера и Воловича). Столь же трепетно этот всемогущий сановник относился к любимцу Ягоды, секретарю НКВД Павлу Буланову, который запросто хозяйничал в бездонных кладовых, наполненных конфискованным имуществом. За глаза Островский возмущался произволом Буланова. Шрейдер приводит, в частности, такой случай: «Я сидел в кабинете начальника административно-организационного управления ОГПУ И.М. Островского, с которым нас связывали дружеские отношения, когда к нему зашел работник управления погранохраны Ленинградского полпредства ОГПУ Ф. со знаком «Почетный чекист», выпущенным к десятилетию органов госбезопасности.

– За какие же заслуги тебя, говнюка, наградили значком? – грубо спросил Островский. Ф. растерялся и, пробормотав что-то нечленораздельное, поспешил удалиться.

– Видишь, что делается, – мрачно сказал Островский. – Как обесценены знаки «Почетный чекист», введенные Феликсом Эдмундовичем. Какой-то подхалим за привезенную начальству посылку из изъятой контрабанды получает значок... И решает это не коллегия и даже не Ягода, а единолично Буланов.

И Островский рассказал, что накануне из ленинградского управления погранохраны, возглавляемого Ф.Т. Фоминым (автором вышедших в 60-е гг. «Записок старого чекиста»), сотрудники отделения по борьбе с контрабандой Ю. и Ф. привезли Буланову какие-то посылки с контрабандными вещами для высшего начальства, и Буланов тут же повесил им на грудь знаки «Почетный чекист».

– Ты вот меня ругаешь, что я боюсь Буланова, – продолжал Островский. – Я прекрасно знаю, что он ничтожество, но мне приходится приспосабливаться к его настроениям, ведь он теперь все равно что сам Ягода и может наградить или угробить любого из нас. Такая вот сейчас обстановка»²¹.

¹⁸ Кокурин А.И., Петров Н.В. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ 1917–1991. Справочник: – М.: МФД, 2003. – С. 60

¹⁹ Шрейдер М.П.: НКВД изнутри... – С. 23

²⁰ Стенограмма февральско-мартовского Пленума ЦК 1937 года. Утреннее заседание 3 марта. Цит. по: Вопросы истории. 1995. № 2. С. 14.

²¹ Там же. – С. 13.

Чувствуя свою близость к Ягоде и колоссальные возможности, которые перед ним открывались, Островский к окружающим относился бесцеремонно и даже грубо, «постепенно все более и более распускался и стал позволять себе совершенно недопустимый тон в обращении с людьми»²². Малограмотный и некультурный, с низшим образованием²³, Островский никогда не читал книг и даже в газетах прочитывал одни заголовки статей, однако при всем своем самодовольстве и барском отношении к окружающим «не раз молча выслушивал нецензурную брань и крики по своему адресу от куражившегося и понимающего свою власть Буланова»²⁴.

Ближайшим помощником Островского являлся начальник инженерно-строительного отдела (ИСО) НКВД А. Лурье. Как нетрудно догадаться, ни одно здание Лурье не сдавал в эксплуатацию после строительства и ремонта, не оборудовав его прослушивающей аппаратурой в интересах своего шефа. Именно это подразделение НКВД ведало строительством гостиницы «Москва», дома Совнаркома (ныне здание Государственной Думы РФ) и других важнейших сооружений²⁵. В спецотделе (СПЕКО), который возглавлял еще со времен Ленина Глеб Боккий, годами совместной службы сросшийся с ягодинской кликой, создавалась и применялась техника для прослушивания разговоров, но не по телефонным линиям, как это делал ОПС в отделе Паукера, а в помещениях служебных кабинетов, квартир и дач «ответработников» через вмонтированные в потолки и стены микрофоны²⁶. По существу Ягода и его окружение обладали не только ни с чем не сравнимой тайной властью над жизнями рядовых граждан, но и тотальным контролем над повседневной и служебной жизнью людей, хоть в малейшей степени близких к государственной власти. При желании они легко могли изолировать не только Сталина, но и все правительство, совершив тем самым государственный переворот. Без преувеличения можно сказать, что в середине 30-х гг. руководители НКВД представляли собою нечто вроде тайного правительства Советского Союза. Ни одно важное внешне- или внутривластное решение не принималось иначе как после изучения соответствующих сводок НКВД²⁷.

Как же удалось Сталину низвергнуть и уничтожить это тайное правительство ГУГБ НКВД, если в его распоряжении не было иных силовых рычагов, помимо самого НКВД? Обычно эту историю рассказывают примерно так: назначенный по инициативе Сталина новый нарком внутренних дел «Ежов провел совещание своих заместителей, начальников основных управлений НКВД, назначенных еще Ягодой. Сообщил, что, по распоряжению ЦК, всем им предлагается разъехаться по областям для проверки политической надежности руководителей партийных органов. Но на первой же подмосковной станции все они были арестованы. Через два дня такая же операция была проделана с их заместителями, не знавшими ничего о своих начальниках»²⁸. Эта захватывающая история, напоминающая сюжеты народных сказок (нечто вроде «и отправил царь сына среднего»), не выдерживает критики. Достаточно сказать, что заместителей наркома назначал не Ягода, а Совнарком по представлению ЦК; никто из начальников отделов центрального аппарата НКВД в марте 1937 г., когда якобы имело место описываемое событие, не направлялся в командировки, арестован же был только один²⁹. Массовой операции по аресту заместителей начальников отделов в один день не проводилось за всю историю НКВД.

²² Шрейдер М. Воспоминания... – С. 227.

²³ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД 1934–1941: Справочник. – М.: Звенья, 1999. – С. 328.

²⁴ Шрейдер М. Воспоминания... – С. 524.

²⁵ Жуковский В.С. Лубянская империя НКВД 1937–1939. – М.: Вече. – С. 45.

²⁶ Беседовский Г.З. На путях к термидору. – М.: Современник, 1997. – С. 270–271.

²⁷ Об этом говорил, в частности, на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г. нарком иностранных дел М. Литвинов (см. стенограмму Пленума – Вопросы истории, 1992, № 2–3).

²⁸ Козлов А. «Большой террор»: сущность и время // Relga. № 19 (121). 01.12.2005.

²⁹ Источник: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД 1934–1941: Справочник. – М.: Звенья, 1999.

Откуда взялась эта легенда? Из авторитетного, но в значительной степени устаревшего исследования англичанина Р. Конквеста «Большой террор»³⁰, созданного в 60-е гг. Английский историк оперировал лишь немногими доступными источниками; например, февральско-мартовский Пленум ЦК 1937 года описан им без использования его стенограммы, на основании известного хрущевского доклада 1956 г. и, соответственно, Р. Конквест вынужден был концептуально следовать хрущевской версии событий. Значительная часть событий второй половины 1936 года по рассматриваемому нами вопросу в изложении Конквеста представляют собою некритический конспект (а местами и почти дословный пересказ) книги А. Орлова-Фельдбина «Тайная история сталинских преступлений». Оттуда же полностью взята и история ареста в один день всего руководства НКВД («Однажды мартовским вечером 1937 года, – пишет этот автор, – Ежов...» и далее следует вышеприведенный рассказ)³¹. Вся эта история – одна большая легенда, опровергаемая архивными данными (как кадровыми личными делами руководящих сотрудников, так и следственными делами арестованных чекистских руководителей). Добавим сюда и то, что второй источник английского историка по данному периоду – еще один крупный сотрудник НКВД, также сбежавший от неминуемой расправы на Запад, Вальтер Германович Кривицкий, тоже именно по этому вопросу владеет фактическими обстоятельствами лишь понаслышке, так как в это время и он находился в зарубежной командировке. И он, с чужих слов, пишет применительно к марту 1937 г., что «все заместители Ягоды и все начальники отделов ОГПУ, за исключением одного, уже находились под арестом»³². Действительность же на тот момент заключалась в обратном: оба заместителя Ягоды по НКВД на тот момент находились на свободе и при должн остях, а из всех начальников отделов арестован был лишь один.

Это, однако, не снимает поставленного в начале статьи вопроса: как же Сталину удалось отправить в небытие тех людей, спаянных многолетней совместной службой, в руках которых полностью находились его охрана, транспорт и связь, которые буквально наштапиговали Кремль, как и всю страну, своей секретной агентурой?

Естественно, у Сталина были все основания опасаться сложившегося вокруг Ягоды всемогущего клана. При этом следует особо отметить, что руководители НКВД отнюдь не были фанатичными приверженцами Сталина, а пожалуй, что и вообще избавились к 1936 г. от всех иллюзий по поводу строительства нового общества власти трудящихся. Хорошо зная сталинские методы укрепления личной власти и борьбы с оппозицией, поскольку являлись исполнителями его тайных поручений, Ягода и другие в своем кругу проявляли крайний цинизм по поводу своей работы. Шрейдер вспоминал, например, о настроениях Миронова: «Получая от меня очередные донесения, Миронов говорил слегка ироническим тоном, которому я тогда не придавал значения, относя его за счет наших с ним дружеских взаимоотношений и обычной манеры в прошлом вести разговоры в шутиливом тоне. Теперь же я думаю, что Миронов просто был умным человеком и те нездоровые тенденции, которые мы, находящиеся вдали от центра, поняли значительно позднее, он, как член коллегии НКВД, уже видел воочию... Миронов с грустной иронией наблюдал за всем, что творилось вокруг...»³³. Упомянутый выше А. Орлов, также лично знакомый с Мироновым, к этому добавляет, что Миронов предвидел печальный конец советских тамплиеров – руководителей тайных спецслужб – и отчаянно пытался избежать общей участи, ходатайствуя о переводе в наркомат внешней торговли, но ему в этом отказали.

Многолетний руководитель спецотдела НКВД Г. Бокий (в начале 20-х гг. – страшный палач, терроризировавший Ташкент и Петроград) создал под Москвой «Дачную коммуны» для

³⁰ Конквест Р. Большой террор // Нева. 1989. № 9–12. 1990. № 1–12. О рассматриваемом событии – Нева. 1990. № 2.

³¹ Орлов А. Указ. соч. – С. 212–213.

³² Кривицкий В. Указ. соч. – С. 182.

³³ Шрейдер М.П. НКВД изнутри... – С. 34.

руководящего состава органов ГПУ-НКВД. Когда все они со временем пошли под нож собственной мясорубки, то о «Дачной коммуне» вспоминали так: «Участники, прибыв под выходной день на дачу, пьянствовали весь выходной день и ночь под следующий рабочий день. Эти пьяные оргии очень часто сопровождались драками, переходящими в общую свалку. Причи́нами этих драк, как правило, было то, что мужья замечали разврат своих жен с присутствующими здесь же мужчинами... после изрядной выпивки партиями направлялись в баню, где открыто занимались групповым половым развратом.

Пьянки, как правило, сопровождались доходящими до дикости хулиганством и издевательством друг над другом: пьяным намазывали половые органы краской, горчицей. Спящих же в пьяном виде часто «хоронили» живыми, однажды решили похоронить, кажется, Филиппова и чуть его не засыпали в яме живого. Все это делалось при поповском облачении, которое специально для «дачи» было привезено из Соловков...

На дачу съезжались участники «коммуны» с женами. Вместе с этим приглашались и посторонние, в том числе и женщины из проституток. Женщин спаивали допьяна, раздевали их и использовали по очереди...» Другой очевидец происходившего в коммуне уточнял: «Каждый член «коммуны» обязан за «трапезой» обязательно выпить первые пять стопок водки, после чего члену коммуны предоставлялось право пить или не пить, по его усмотрению. Обязательно было также посещение общей бани мужчинами и женщинами. В этом принимали участие все члены коммуны, в том числе две дочери Бокия... Обязательным было пребывание мужчин и женщин на территории дачи в голом или полуголом виде»³⁴.

Подобные приемы устраивала, видимо, и жена Миронова, «жгучая брюнетка с огненными глазами»³⁵, которую в чекистских кругах за чрезвычайную распущенность называли Мессалиной³⁶; жена Гая Раиса, по свидетельству М. Шрейдера, тоже любила устраивать пирушки для руководящих работников госбезопасности. Другие руководители НКВД предпочитали такому активному отдыху интеллектуальный. Заядлые картежники Гай, Шанин и Островский составили постоянную партию в покер с директором московского Камерного театра³⁷ писателем Ричардом Пикелем, что не помешало им летом 1936 г. подвести своего карточного визави под расстрел³⁸. Вот уж верно говорят картежники: не играй хорошо, потеряешь партнеров. Впрочем, Гая Ягода характеризовал как полностью морально разложившегося человека и сифилитика³⁹. Должно быть, непросто было Гаю выделиться аморальным поведением на таком фоне. М. Шрейдер, служивший одно время под его непосредственным руководством, сообщает, что Гай, не в силах вытерпеть в ожидании приглашения на одну из дач Ягоды, приспособил для «бардачных дел» конспиративные квартиры, предназначенные для встреч с агентурой, и сам Шрейдер однажды застал его там с некой «красавицей из Харитоньевского переулка»⁴⁰. Секретарша Гая Тарловская, через которую он нередко передавал деньги и ценности своим «агенткам» из секретных фондов, показала, например, что некой Зайончковской через нее

³⁴ Цит. по: Соколов Б.В. Наркомы страха. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2001. – С. 18–20.

³⁵ Шрейдер М. Воспоминания... – С. 226.

³⁶ Яковенко М.М. Агнесса: Устные рассказы Агнессы Ивановны Мироновой-Король о ее юности, о счастье и горестях трех ее замужеств, об огромной любви к знаменитому сталинскому чекисту Сергею Наумовичу Миронову, о шикарных курортах, приемах в Кремле и... о тюрьмах, этапах, лагерях, – о жизни, прожитой на качелях советской истории / Послесловие И. Щербаковой. – М.: Звенья, 1997. – С. 176.

³⁷ В 1949 г. Камерный театр был закрыт за «эстетство и формализм». Театр реорганизовали, и с 1950 года он стал называться Московским драматическим театром им. А.С. Пушкина (Тверской бульв., д.23).

³⁸ Орлов А. Указ. соч. – С. 82.

³⁹ Протокол допроса Г.Г. Ягоды от 26 апреля 1937 года. Место архивного хранения документа: ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2. Л. 57.

⁴⁰ Шрейдер М. Воспоминания... – С. 340.

однажды «Гай дал 1000 рублей на дачу», добавив: «с ее слов мне известно, что ей раньше Гай подарил золотые часы»⁴¹.

Да и сам Г.Г. Ягода также умел и любил «культурно отдыхать». Оргии «с вином и женщинами» для него, по воспоминаниям бывшего резидента ГПУ на Среднем Востоке Георгия Агабекова, готовил и проводил начальник транспортного отдела ГУГБ НКВД А. Шанин, «уголовная личность, с явно садистскими наклонностями»⁴². Для проведения этих оргий Шанин использовал один из трех загородных домов отдыха бывшего наркома. Пьянствовал Ягода обычно по ночам в подмосковных Озерках (по Волоколамскому шоссе); для амурных дел облюбовал Гильтищево по Ленинградскому шоссе, где днем в обеденное время блудил с родственницей Максима Горького Надеждой Пешковой, которую называл кличкой Тимоша (ныне, предположительно, в бывшем доме Ягоды расположена гостиница «Планерная»); а Лоза на Калужском шоссе предназначалась для загородных совещаний с приближенными к нему руководителями советской госбезопасности. Охрана этой Лозы, по рассказам местного краеведа, состояла всего из восьми человек, но снаружи покой наркома берегли рассыпанные по лесу стрелки войск НКВД, отгонявшие простолюдинов из числа местных жителей, которых среди партийных вельмож принято было презрительно называть «трудящимися». Почти двадцать гектаров леса огородили деревянным забором, натянув поверх него колючую проволоку (и забор, и проволока сохранились до сих пор). Территорию усадьбы пересекали небольшой ручеек и речка Ордынка, которая перед дамбой впадала в пруд, где разводили рыбу для стола наркома. Ягода любил пировать на всем готовом, поэтому для него держали подсобное хозяйство (на его огородах сейчас воздвигнут храм Новомученикам и исповедникам). «Рассказывает очевидец (из окружения Горького, в то время близкого к Ягоде): в поместье Ягоды под Москвой в предбаннике стояли иконы – специально для того, чтобы Ягода с товарищами, раздевшись, стреляли в них из револьверов, а потом шли мыться...»⁴³. Ягода использовал Лозу, согласно неопубликованным воспоминаниям его племянницы В. Знаменской, для проведения совещаний с руководителями НКВД⁴⁴, которые с 1935 г. проводились ежедневно⁴⁵. По своему характеру они напоминают дружеские попойки. При обыске на квартире и дачах у Ягоды изъято 1229 бутылок дорогих иностранных вин, 3904 порнографических фотоснимка и 11 порнографических фильмов. Только в 1936 г. на содержание жилья Ягоды НКВД было потрачено примерно 1 150 000 рублей⁴⁶. Кроме того, Ягода, его секретарь Буланов и другие приближенные лица располагали крупными суммами в валюте и большим количеством ювелирных изделий из присвоенных ими конфиската и контрабанды⁴⁷.

Кто именно составлял близкое служебное окружение Ягоды, кому доверял он пострелять в тире своей бани по иконам, полюбоваться внушительной коллекцией порнографии и отведать изысканных вин? Этот список несложно составить: в совещаниях руководства участвовали его заместитель Агранов, начальники отделов ГУГБ Паукер, Молчанов, Миронов, Гай, Шанин, Слуцкий и Бокий, начальник АХУ Островский, возможно, также Волович (по своей близости к Сталину и другим кремлевским вождям, которых он охранял). По сохранившимся

⁴¹ Источник: Справка комиссии Президиума ЦК КПСС «О проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене родины, терроре и военном заговоре». Опубликовано: Военно-исторический архив. 1998. Вып. 2. С. 3 – 81. При дальнейших упоминаниях – Справка комиссии...

⁴² Агабеков Г. Секретный террор. – М.: Терра, 1998. – С. 5.

⁴³ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ/ В сб.: Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. – М.: Инком-НВ, 1991. – Т. 5. – С. 155–156.

⁴⁴ Новак Л. Дача особого назначения // Итоги. № 44 (230). 14 февраля 2002.

⁴⁵ Выступление Агранова на утреннем заседании 3 марта февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 17.

⁴⁶ Соколов Б.В. Указ. соч. – С. 69–70.

⁴⁷ Шрейдер М.П. НКВД изнутри... – С. 12.

свидетельствам, в этих «кутежах и даже оргиях» принимали активное участие также секретарь НКВД Павел Буланов, начальник ГУПВО (Главного управления пограничной и внутренней охраны) НКВД Михаил Фриновский, помощники Миронова Яков Лоев и Макс Станиславский⁴⁸. К этим фигурам мы еще вернемся.

В дальнейшем, кстати, тир на территории дачи Ягоды использовали в других целях – здесь расстреливали осужденных из Внутренней тюрьмы НКВД на Лубянке (этот тир был преобразован в «спецобъект Коммунарка», злой иронией напоминающий название «Дачной коммуны». Здесь же были позднее расстреляны сам Ягода, его сестры, его заместители и начальники отделов ГУГБ)⁴⁹.

При Ягоде расстрелы производили, по рассказу вышеупомянутого Георгия Агабекова, на задворках клуба НКВД (ул. Дзержинского, д. 13). Для расстрелов предназначалась комната с асфальтовым полом, расположенная за галереей тира, куда осужденных доставляли подземными переходами прямо из камер Внутренней тюрьмы (сейчас на месте ее казематов находится столовая ФСБ). На рассвете, когда производились расстрелы, звуки выстрелов были слышны в столовом зале клуба. После «исполнения» палачи шли в этот зал выпить и закусить. «Встретишь иногда в клубе лиц, известных как палачей, – вспоминает Агабеков. – Если они уже являются совершенно пьяными и особенно шумные, то ты уже знаешь, в чем дело. Они расстреливали, и их угостили хорошей порцией водки».

Допросы в главном здании на Лубянке проводились, главным образом, по ночам. К утру подуставшие сотрудники госбезопасности шли развеяться и обменяться впечатлениями в клуб НКВД, где под аккомпанемент выстрелов из «тира» встречали кровавую зарю нового дня, задумчиво глядя через окна на первые лучи солнца, неспешно поднимающегося со стороны Кремля. Вскоре шумной ватагой к ним присоединялась уже подвыпившая компания палачей, тоже закончивших свою работу⁵⁰. «Роскошное помещение клуба НКВД, – пишет в «Тайной истории сталинских преступлений» часто бывавший в этом заведении в 1936 году будущий резидент НКВД в Испании и будущий перебежчик Фельдбин-Орлов, – превратилось в некое подобие офицерского клуба какого-либо из дореволюционных привилегированных гвардейских полков. Начальники управлений НКВД стремились превзойти друг друга в устройстве пышных балов. Первые два таких бала, устроенные Особым отделом и Управлением погранвойск, прошли с большим успехом и вызвали сенсацию среди сотрудников НКВД. Советские дамы из новой аристократии устремились к портнихам заказывать вечерние туалеты. Теперь они с нетерпением ожидали каждого следующего бала.

Начальник Иностранного управления Слуцкий решил продемонстрировать «неотесанным москвичам» настоящий бал-маскарад по западному образцу. Он задался целью перешагнуть самые дорогие ночные клубы европейских столиц, где сам он во время своих поездок за границу оставил уйму долларов.

Когда мы с Берманом⁵¹ вошли, представшее нам зрелище действительно оказалось необычным для Москвы. Роскошный зал клуба был погружен в полумрак. Большой вращающийся шар, подвешенный к потолку и состоявший из множества зеркальных призм, разбрасывал по залу массу зайчиков, создавая иллюзию падающего снега. Мужчины в мундирах и смокингах и дамы в длинных вечерних платьях или опереточных костюмах кружились в танце под звуки джаза. На многих женщинах были маски и чрезвычайно живописные костюмы, взятые Слуцким напрокат из гардеробной Большого театра. Столы ломились от шампанского, ликеров и водки. Громкие возгласы и неистовый хохот порой заглушали звуки музыки. Какой-то

⁴⁸ Шрейдер М. Воспоминания... – С. 536.

⁴⁹ Головкова Л.А. Московские расстрелы // Право и милосердие. 2003. № 7 (17).

⁵⁰ На сегодняшний день здание клуба НКВД, где производились расстрелы в «тире», сохранилось. Его адрес: г. Москва, ул. Б. Лубянка, д. 13. Там находятся Культурный центр МВД РФ, рестораны «Щит и меч» и «Майор Пронин».

⁵¹ Имеется в виду заместитель Слуцкого Борис Берман.

полковник погранвойск кричал в пьяном экстазе: «Вот это жизнь, ребята! Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

Заметив нас с Берманом, устроитель бала воскликнул: «Пусть *они* выскажутся! Это два европейца. Скажите откровенно, – продолжал он, обращаясь к нам, – видели вы что-нибудь подобное в Париже или в Берлине? Я переплюнул все их Монмартры и Курфюрстендамы!»

Нам пришлось подтвердить, что бал, устроенный Иностраннным управлением, превосходит все, что нам доводилось видеть в Европе. Слуцкий просиял и принялся наливать нам шампанское. Миронов, сидевший за тем же столом, воскликнул: «Что и говорить, ты был бы неплохим содержателем какого-нибудь первоклассного парижского борделя!»

В самом деле, это амплуа подошло бы Слуцкому гораздо больше, чем должность начальника советской разведки, не говоря уж о должности секретаря парткома НКВД, которую он занимал по совместительству последние три года.

В зале стояла страшная духота, и мы быстро покинули этот бал. Прямо напротив клуба возвышалось огромное мрачное здание НКВД, облицованное снизу черным гранитом. За этой гранитной облицовкой томились в одиночных камерах ближайшие друзья и соратники Ленина, превращенные теперь в сталинских заложников⁵².

Естественно, изматывающие ночные допросы и очные ставки, чередуемые с пьяными оргиями на даче наркома или активным отдыхом в клубе НКВД по соседству с «тиром», приводили руководителей НКВД к нервному истощению, депрессии и алкоголизму. Как говорил один из первых руководителей ВЧК «советский Марат» М.Я. Судрабс-Лацис, «как бы ни был честен человек и каким бы кристально чистым сердцем он ни обладал, работа Чрезвычайных комиссий, производящаяся при почти неограниченных правах и протекающая в условиях, исключительно действующих на нервную систему, дает о себе знать»⁵³. По воспоминаниям офицера Дмитрия Сидорова, сам Лацис не стал исключением из выведенного им правила и производил впечатление крайне распухшего субъекта. Лацис принимал жен арестованных: «в подтяжках поверх голубой рубахи, задравши ноги к потолку, он лежал на кровати. Приходили просительницы, большей частью дамы или старики...

– Расстрелян, – холодно говорил он, ничего не слушая.

– Да нет же, я видела его сейчас, – рыдала женщина.

– Ну, будет расстрелян...

Этот же Лацис поместил в «Известиях Совета рабочих депутатов» свою статью «Законы гражданской войны», в которой доказывал, что раненых нужно добивать, ибо «таковы законы не империалистической войны». Сам Сидоров оказался освобожден, поскольку за него хлопотали некоторые его знакомые, в прошлом состоявшие, как и он, в эсеровской партии, и воспользовавшиеся тем, что Лацис был пьян и подписал приказ об освобождении не читая⁵⁴.

Подобных описаний с натуры известно множество. Известен, например, случай, когда сотрудник Особотдела Николай Любецкий, оказавшись во время командировки на морском побережье и будучи мертвецки пьян, зашел в чекистской форме в море, поскользнулся и утонул⁵⁵. Чекисты понимали, что чрезмерное алкогольное возлияние их коллеги было вызвано условиями работы и необходимостью как-то сбросить постоянный стресс, уйдя в загул. Их нравственное разложение стало ахиллесовой пятой и мешало им адекватно оценить ситуацию летом 1936 года, когда Сталин задумал их уничтожить.

---

⁵² Орлов А. Указ. соч. – С. 141.

⁵³ Цит. по: Капчинский О. Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. – М.: Яуза, ЭКСМО, 2005. – С. 307.

⁵⁴ Опубликовано: Сидоров Д.А... В Бутырской тюрьме / В сб.: Россия забытая и неизвестная. Белое движение. Т. 4: Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. – М.: Центрполиграф, 2001.

⁵⁵ Шрейдер М. Воспоминания... – С. 278.

История взаимоотношений Сталина и Ягоды довольно извилиста. Человек по своей натуре очень скрытный, Ягода долгое время производил впечатление ограниченного, мелкого и в целом примитивно организованного службиста, чрезмерно увлеченного выпивкой, женщинами и к тому же вороватого. Практически все знавшие Ягodu, чьи сочинения нам доступны, ограничиваются этой характеристикой. Став ключевой фигурой в ГПУ, Ягода добавил к упомянутым качествам барские замашки, высокомерие и грубость по отношению к окружающим. Когда секретарь Сокольнического райкома, которому по партийной линии была подведомственна парторганизация центрального аппарата ГПУ, Теремяшкина впервые вошла в его кабинет и по незнанию произнесла его фамилию с ударением на первом слоге, он презрительно взглянул на нее и молча указал рукою на дверь⁵⁶. С другими он обращался еще хуже, будучи «знатным матерщинником»⁵⁷. Однако карьера этого человека показывает, что он отнюдь не прост и его возвышение объясняется не одним лишь сталинским расположением.

---

⁵⁶ Там же. – С. 572.

⁵⁷ Там же. – С. 323.

Противостояние

С конца 20-х гг. одновременно набирают силу два параллельных процесса: все возрастающее усиление роли ОГПУ в государственном механизме власти и укрепление в нем позиций Ягоды и его выдвиженцев. С этого времени Ягода начинает делать первые шаги к тому, чтобы выйти из-под контроля партийного аппарата. Еще в середине 20-х гг. эти тенденции заметил секретарь Политбюро Борис Бажанов: «Я очень скоро понял, какую власть забирает ГПУ над беспартийным населением, которое отдано на его полный произвол. Так же ясно было, почему при коммунистическом режиме невозможны никакие личные свободы: все национализировано, все и каждый, чтобы жить и кормиться, обязаны быть на государственной службе. Малейшее свободомыслие, малейшее желание личной свободы – и над человеком угроза лишения возможности работать и, следовательно, жить. Вокруг всего этого гигантская информационная сеть сексотов, обо всех все известно, все в руках у ГПУ. И в то же время, забирая эту власть, начиная строить огромную империю ГУЛага, ГПУ старается как можно меньше информировать верхушку партии о том, что оно делает»⁵⁸.

На рубеже 30-х гг. Ягода и его соратники задумали беспрецедентное по своим масштабам провокационное дело «Весна», начатое массовыми арестами на Украине и продолженное репрессиями в Москве, Ленинграде, Воронеже, Сталинграде, Смоленске, Краснодаре, Новочеркасске, Минске. Инициаторами его явились так называемые герои Гражданской – представители группировок Ворошилова – Буденного и Гамарника – Якира, которые соперничали между собою в борьбе за власть над командованием Красной Армии, но в данном случае объединились в целях уничтожения «военспецов», силами которых в действительности была выиграна Гражданская война. Оказавшись в начале своего существования на краю гибели, Советская республика путем превентивных репрессий и шантажа мобилизовала в Красную Армию тех кадровых военных, до кого была возможность добраться. Вынужденно оказавшись на командных постах Красной Армии, эти люди теперь закономерно опасались мести в случае победы Белой гвардии, вследствие чего частью перебежали на ее сторону⁵⁹ те же, у кого такой возможности не было, а таких было большинство (специально для этого к ним были представлены комиссары), воевали как умели, на победу, и в итоге добились ее, после чего стали новым властям более не нужны и даже опасны. Инициатором принудительного использования в Красной Армии военспецов в свое время выступил Троцкий, так что теперь их удобно было объявить не только скрытыми контрреволюционерами, но еще и троцкистами.

При формировании Красной Армии в 1918 г. численность «военспецов» из бывших офицеров и генералов составляла 80 % ее командного состава⁶⁰. В 1918–1920 гг. 18 из 20 командующих фронтами Красной Армии, все начальники фронтовых штабов, 47 из 76 командующих армиями, 82,8 % начальников армейских штабов были выходцами из «старой» армии. К их числу следует добавить и 14 тысяч пленных белогвардейцев, призванных в Красную Армию в 1920 г.⁶¹ Поэтому, поставив задачу «подмести» всех этих людей, да к тому же еще пользуясь поддержкой и Ворошилова, и Гамарника, и примкнувшего к ним «красного милитариста» Тухачевского (хотя последний сам принадлежал к старому офицерству), которые жаждали

---

⁵⁸ Бажанов Б. Указ. соч. – С. 217.

⁵⁹ См., например, Список сбежавших белогвардейцев и изменников революции, разыскиваемых Центр. Фронтной Чрезвычайной Комиссией //Красный террор. Еженедельник Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией на чехословацком фронте. 1 ноября 1918 года. № 1.

⁶⁰ Александров К. Несостоявшийся десант. Дело военных на фоне сплошной коллективизации // «Новое время». 7 августа 2005. № 31.

⁶¹ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. – М.: Воениздат, 1988. – С. 207–209, 259–262.

присвоить себе лавры победителей Гражданской войны, избавившись от истинных творцов победы, Ягода и его приспешники сразу придали делу грандиозный размах.

Украинский историк Ярослав Тинченко, являющийся крупнейшим исследователем дела «Весна», указал, что общая численность арестованных по нему составила не менее 10 тысяч человек и охватывала подавляющее большинство кадровых военных, профессионально подготовленных еще до революции⁶². Но уже в 1931 г. размах репрессий в армии начал производить впечатление, что этим подрывается военная мощь Советского государства. Именно такую трактовку придали делу «Весна» руководители ОГПУ, объединившиеся против Ягоды и решившие разыграть столь выигрышную, как им казалось, карту. Эту группу, известную под названием «пятерки», возглавили преемник Трилессера Станислав Мессинг и начальник Секретно-оперативного управления Е. Евдокимов. Надо сказать, что эти люди сами были большими специалистами в раздувании абсолютно фальсифицированных политических дел. Они приложили руку к делам «Промпартии», Шахтинскому делу, процессу «Союзного бюро меньшевиков» и ряду других, по которым подводили под расстрел и длительные сроки заключения невинных людей. Кстати, в самом ОГПУ тот же Евдокимов слыл первым фальсификатором⁶³. Но теперь «пятерка» задумала выступить в тоге обличителей «дутых», фальсифицированных дел, борцов с «липаchestвом»⁶⁴.

Попытка вновь оказалась неудачной. Ягода поспешил заручиться поддержкой Кагановича, а Ворошилов и начальник Главного Политуправления Красной Армии Гамарник поддерживали дело «Весна» с самого начала, поэтому решением Политбюро в конце июля 1931 г. члены «пятерки» оказались выброшены из ОГПУ со следующей формулировкой: «а) эти товарищи вели внутри ОГПУ совершенно нетерпимую борьбу против руководства ОГПУ; б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно несоответствующие действительности разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым» делом; в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ»⁶⁵. Я. Тинченко в своей книге «Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931» описывает трагический конец дела «Весна»: чтобы окончательно зачистить концы, были проведены массовые расстрелы арестованных, спешно осужденных внесудебным порядком. Например, в Ленинграде только в одну ночь со 2 на 3 мая 1931 г. расстреляно свыше трехсот человек.

Однако на сей раз Сталин не упустил случая, чтобы создать Ягоде противовес в ОГПУ. На должность первого зампреда ОГПУ был переведен верный сталинский выдвиженец Иван Акулов (будущий первый прокурор Союза ССР). По замыслу вождя, при абсолютно недееспособном (вследствие болезни) председателе ОГПУ В.Р. Менжинском Акулов станет фактически первым лицом в системе органов госбезопасности. В соответствии со сталинской заповедью «кадры решают все», правой рукой Акулова в предстоящей перестановке руководящих кадров ОГПУ должен был стать новый начальник отдела кадров ОГПУ Д. Булатов – человек Кагановича, перед этим – начальник оргинструкторского отдела ЦК. Но ягодовцы и здесь проявили настойчивость и сплоченность. Они упрямо игнорировали как Менжинского, так и Акулова, все вопросы обсуждая и решая через Ягоду. Булатов и его отдел кадров были ограничены сугубо техническими функциями и никак не влияли на расстановку руководящего состава. Уже в октябре 1932 года Сталин вынужден был отказаться от своего замысла и убрал Акулова

⁶² Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – С. 5.

⁶³ Хаиров А. Конец политических попутчиков, или «Никто не забыт, и вас не забудут» // Власть, бизнес, политика. № 01 (55), 2004.

⁶⁴ Шрейдер М.П. Указ. соч. – С. 13–14.

⁶⁵ Кокурин А.И., Петров Н.В. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ 1917–1991. Справочник. – С. 52.

из ОГПУ, к чему «немало сил приложил Г.Г. Ягода»⁶⁶. Вскоре за ним последовал и Булатов⁶⁷. Оба они впоследствии были казнены. Изгнание Булатова повлекло затяжной конфликт Ягоды с Кагановичем, который с этого времени в противовес Ягоде начинает поддерживать идею усиления контроля за деятельностью НКВД через другого своего выдвиженца – работника аппарата ЦК Н.И. Ежова. А. Орлов пишет, что Ягода не раз пытался улучшить отношения с Кагановичем, но безрезультатно. «Двухсотпроцентный сталинист», как называл его Молотов⁶⁸, Каганович наблюдал, как Ягода исподволь забирает себе все больше власти, как старательно раздувает свой культ личности. При этом, разумеется, Каганович опасался перемены власти, поскольку прочно связал свою политическую судьбу со Сталиным. Он стал наиболее упорным и последовательным врагом Ягоды среди членов Политбюро, постоянно ожидал с его стороны всяческих подвохов и придумал ему прозвище Фуше. Не исключено, впрочем, что Каганович по малограмотности перепутал наполеоновского министра с Николя Фуке – сюринтендантом Франции, который был умен, ловок и не стеснялся быть едва ли не богаче самого короля, считая себя незаменимым на своем месте. При этом он окружил короля своими шпионами, которые сообщали ему обо всем, что делалось при дворе. Среди людей, которых вербовал Фуке, оказались даже фаворитка короля, а также духовный исповедник королевы-матери. Кончилось дело тем, что король поручил другому, более мелкому чиновнику финансов Кольберу, провести ревизию деятельности Фуке, которая открыла колоссальные злоупотребления. Король, однако, не подал виду и даже притворился, будто он недоволен Кольбером и хочет его арестовать, вследствие чего Фуке по поручению короля приказал подготовить одну из тюрем для содержания опасного государственного преступника. В один прекрасный день король приказал знаменитому впоследствии д'Артаньяну арестовать коварного министра сразу же после заседания кабинета, и Фуке водворился в собственные казематы. Если Кагановичу стала известна эта история, то неудивительно, что он предназначил Ягоде участь Фуке. По его ли подсказке или же из своих собственных соображений Сталин, почувствовав, что без ягодинских информаторов и охраны он не может сделать и шагу, стал действовать хитростью.

---

⁶⁶ Там же. – С. 55.

⁶⁷ Там же. – С. 58.

⁶⁸ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. – М.: ТЕРРА, 1991. – С. 318.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.